УДК 323.21-053.6

МЕЛЬНИКОВ А.В.

Политическое участие молодежи: актуальные проблемы идентификации ценностных предпочтений

В статье актуализируются социокультурные аспекты политического участия молодежи, характеризуются особенности ценностных и идеологических предпочтений в молодежной среде. Обращается внимание на формирование культуры диалогичных отношений всех субъектов политической жизни.

Ключевые слова: молодежь, политическое участие, политическая субкультура, политические предпочтения.

Молодежь, как известно, является одной из значимых социально-демографических групп современного общества. Очевидно, что ухудшение ее социального самочувствия в условиях затянувшихся трансформационных и модернизационных процессов сопровождается снижением уровня молодежного доверия к властным институтам, ростом абсентеизма и распространением правового нигилизма в среде молодежи. Это, в свою очередь, повышает риск расширения нелегитимных форм политического участия, учащения радикальных настроений вплоть до экстремистских.

Во многом это связано с тем, что ценности, представленные в общественном сознании молодежи, неоднозначны и противоречивы, что провоцирует дефицит позитивной активности, создает условия для неформальной самоорганизации молодежи и делает ее одним из ресурсов оппозиционного движения как в центре, так и на местах. Не случайно в аналитическом докладе Центра стратегических разработок делается вывод о возможности расширения масштабов протестного потенциала за счет российской «глубинки»[1].

Несмотря на актуальность данной проблемы, механизмы участия российской молодежи в общественно-политической жизни все еще остаются малоизученными, в имеющихся же научных разработках крайне редко представлены ученые и практики из регионов, осмысливающие молодежные проблемы не в дистанционном режиме, а путем систематического включенного наблюдения.

На изменение характера политического участия молодежи в современный период (что в немалой степени связано с ломкой системы ее ценностных представлений) обращает внимание Президент Российской Федерации В.В. Путин, подчеркивая, что «самым главным сегодня становится вопрос о ценностях, о нравственных основах, на которых мы можем и должны строить нашу жизнь, воспитывать детей, развивать общество, в конечном итоге укреплять нашу страну. От того, как мы воспитаем молодежь, зависит то, сможет ли Россия сберечь и приумножить саму себя. Сможет ли она быть современной, перспективной, эффективно развивающейся, но в то же время сможет ли не растерять себя как нацию, не утратить свою самобытность в очень непростой современной обстановке. Как показывает в том числе и наш собственный исторический

опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды – это сфера жесткой конкуренции, порой объект открытого информационного противоборства»[2].

К сожалению, в современных социологических и политологических исследованиях не наблюдается какого-либо единства в интерпретации иерархии ценностных ориентиров нынешнего поколения молодых людей[3]. Между тем, именно ценности (идеи, традиции, нормы) задают наиболее фундаментальные критерии отношения молодежи к политической жизни, определяют ее внутренние привязанности, приоритеты. Будучи устойчивыми, они обеспечивают целостность мировоззрения личности, противоречивые же ценности стимулируют непостоянство ее политических представлений, служат источником постоянного пересмотра базовых установок. Это ведет к фрагментации субкультур в молодежной среде. Отсюда понятно, что многообразие молодежных субкультур формирует соответствующие поведенческие установки, влияющие на конструирование политической картины мира и политическое поведение данной социальной категории граждан. При этом следует иметь в виду, что, как отмечает Е. Дегальцева, политической культуре молодежи свойственны эмоциональное восприятие политической жизни, многообразие политических интересов и стилей поведения, политическая неразборчивость, высокий уровень внушаемости, эклектичность, т.е. механическое соединение разнородных политических взглядов, теорий и идейных направлений[4]. Разумеется, все это отражается на содержательных характеристиках политического участия современной российской молодежи: ее активности, институционализированности и конвенциональности.

Активность гражданского и политического участия российской молодежи, как правило, оценивается как низкая. При этом большинство политологов, анализирующих данную проблему, в качестве основного фактора снижения уровня политического участия называют его принудительность или мобилизационный характер[5]. Соответственно, политическое участие российской молодежи определяется преимущественно как институционализированное и мобилизованное.

Впрочем, следует согласиться и с мнением ряда авторов[6] , что государственная молодежная политика – это своего рода интегрирование отдельных программ и проектов, касающихся молодежи, в единое целое при усилении регулирующей роли современного государства.

Следует согласиться с мнением О. Корякковцевой, что основными детерминантами общественно-политической активности молодежи в современной России выступают:

– дальнейшая демократизация общественно-политической системы;

– включение представителей общественности, в том числе и молодежи, в политико-управленческий процесс;

– мотивирование молодого поколения к ответственному политическому участию;

– институционализация политической жизни[7].

Эти тенденции нашли свое проявление в том, что последнее десятилетие особенно отмечено созданием многочисленных молодежных общественных объединений. У всех, что называется, «на слуху» такие организации, как «Наши», «Россия молодая», «Молодая гвардия «Единой России» и др. Обращает на себя внимание, что одной из форм проявления политической активности молодежи стало так называемое «системное» политическое участие, связанное с вступлением молодых людей в проправительственные молодежные политические организации. Другой формой молодежного политического участия стал молодежный парламентаризм как система представительства интересов молодежи при органах государственной власти в целях влияния на законотворческий процесс, повышения правосознания молодежи, обмена информацией с органами власти. Инструментом политического участия и социализации молодежи следует считать молодежные правительства, созданные при поддержке органов государственной власти субъектов Федерации, например Брянской, Липецкой, Орловской областей.

При всех комплиментарных характеристиках этих структур, работа органов власти с молодежью носит все же, как показывает мониторинг, фрагментарный, несистематический характер. Не случайно поэтому в последнее время наблюдается

неинституционализированная молодежная активность, вылившаяся в митинги и шествия не без помощи социальных сетей (сайтов, блогов, форумов), которая может приобретать и радикальную направленность. Общая миссия, незаорганизованность, мобильность участия, отсутствие ответственности, самовыражение – эта система мотивации сетевого движения объединила значительное число участников протестных акций. Несмотря на то, что формирующиеся в системе Интернет объединения зачастую стихийны и нестабильны по разным причинам, в том числе ввиду отсутствия сплоченности их лидеров, невысокого уровня готовности людей участвовать в них на постоянной основе, слабости политических инициатив, недооценивать эту форму гражданской активности молодежи было бы по меньшей мере опрометчиво.

Еще М. Кастельс отмечал, что сеть Интернет «повышает шансы сетевого индивидуализма стать доминирующей формой социальности». В сетевом обществе, по наблюдению М. Кастельса, традиционные вертикальные связи в построении всяческих структур уступают место сетевым горизонтальным структурам. Если прежде основу всякого человеческого сообщества составляла привязанность человека к месту жительства и работы, отмечает ученый, то теперь эти связи ослабевают, и происходит переход к более слабым экстерриториальным социальным связям. Люди утрачивают или разрывают связи с локальными сообществами как в силу появления новых коммуникационных возможностей, так и в силу того, что они реализуют личные потребности, опираясь на эти новые возможности в сети Интернет. Так Интернет начинает обеспечивать социальное взаимодействие между людьми, наделять их информацией и даже формировать у них чувство принадлежности к некой группе и, таким образом, социальную идентичность. Этот принцип построения сообществ М. Кастельс называет сетевым индивидуализмом, или «персонализируемым сообществом[8].

Возникает вопрос: какими же политическими предпочтениями руководствуется нынешняя молодежь? Ответ на него, на наш взгляд, дают результаты исследования «Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры», проведенного в декабре 2012-го – феврале 2013 года методом сбора информации – фокус-группы и глубинные интервью лаборатории «Лаборатория Крыштановской»[9]. Ученые отмечают, что главной особенностью политического участия современной российской молодежи является невысокий уровень активности и институционализированности политического участия. Молодые люди мало интересуются политикой. Среди опрошенных лишь каждый четвертый признался, что политика занимает его. Интерес к политике прямо коррелирует с возрастом: чем старше респонденты, тем больше они склонны рассуждать о политической ситуации в стране. Студенты более аполитичны, чем работающая молодежь. Наибольший интерес к политике проявляют молодые специалисты с высшим образованием.

Любопытно, что у большинства молодых людей затруднение вызвала попытка определить свои идеологические пристрастия. Семантический ряд используемых понятий идеологической идентификации составил 27 маркеров, из которых самыми распространенными стали: либерал, демократ, социалист, консерватор, монархист, националист, центрист и анархист. Однако, оперируя идеологическими клише, респонденты, как правило, плохо понимают их истинный смысл.

Исследование показало, что использование семантических маркеров «либерал» и «демократ» не означает реальных различий в политических пристрастиях молодых людей. Поэтому в дальнейшем анализе эти две группы были объединены и в совокупности отражают мнение большинства респондентов. Также были объединены те, кто называет себя «социалистами» и «коммунистами» (хотя коммунисты составляют меньшинство и не вошли в десятку наиболее распространенных идеологических маркеров), а также «анархисты» и «анархо-синдикалисты» (см. рисунок 1).

Были проанализированы также гендерные предпочтения молодых людей. Как выяснилось, либеральная идеология привлекательна и для юношей, и для девушек и является на сегодняшний день господствующей

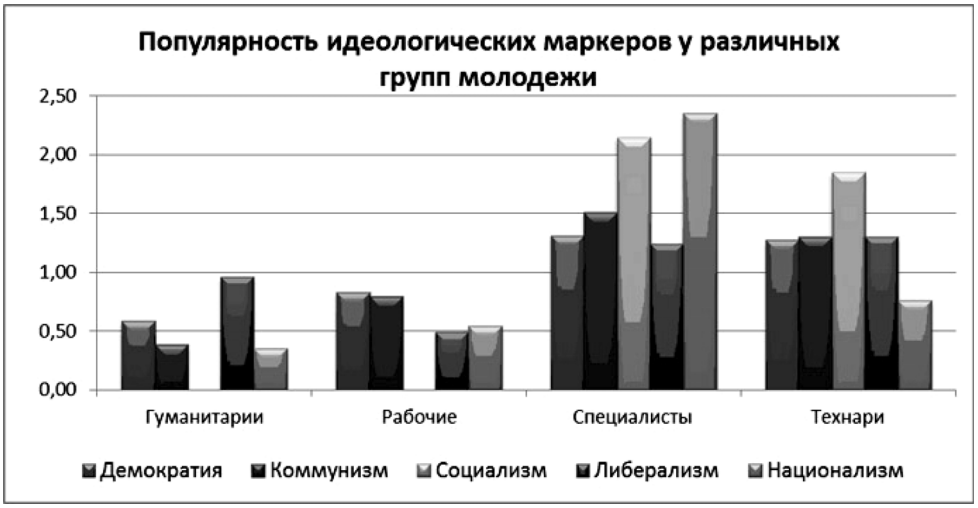

Рисунок 1 – Популярность идеологических маркеров у различных групп российской молодежи[10].

в молодежной среде. А вот социалистов существенно больше среди мужчин. К «мужским» идеологиям также можно отнести национализм и анархизм. Девушки склонны к коммунизму и монархизму. Среди «лоялистов» нынешней власти также больше женщин.

География идеологических пристрастий молодежи выглядит так: наиболее либерально настроены молодые люди в Центральном федеральном округе (особенно в Москве). Больше всего социалистов и левых – на юге России (Южный и Северо-Кавказский регионы). Националисты популярны на Урале и юге России. Анархисты сосредоточены в Москве. Консерваторы – в Северо-Западном, Уральском и Поволжском округах (см. рисунок 2).

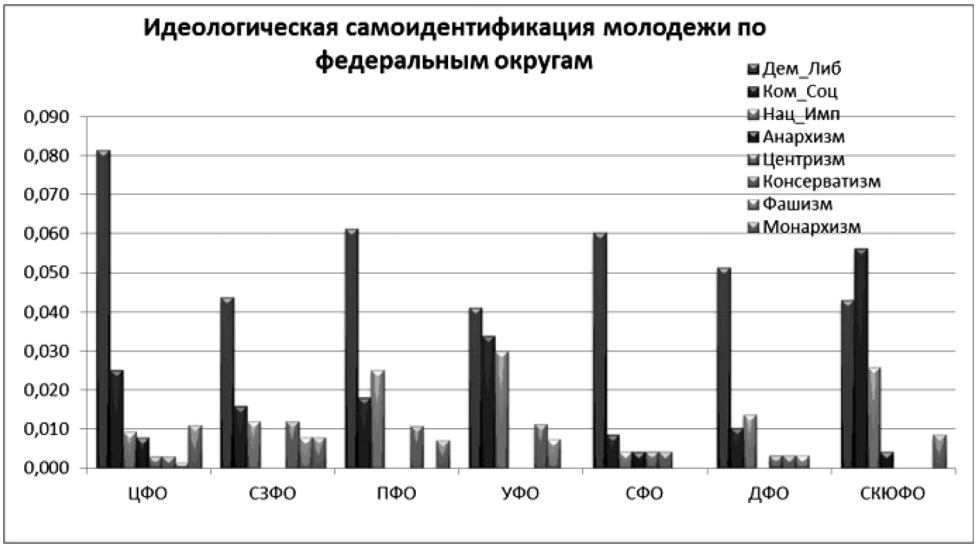

Рисунок 2 – Идеологическая самоидентификация молодежи по федеральным округам Российской Федерации[11].

Таким образом, можно сказать, что либерально-демократические взгляды становятся достаточно распространенной идеологией в среде российской молодежи.

Данные исследования также показывают, что российская молодежь, независимо от социальной и региональной принадлежности, продолжает демонстрировать политическую культуру патерналистского типа. Этот тип политической культуры характеризуется отстраненным отношением к власти. Индивид ждет от государства благ и помощи, опасается диктата и притеснений. Он в малой степени стремится изменить существующее положение дел и активной политической борьбе предпочитает молчаливое недовольство, уход в свой эгомикромир. Поэтому государство не вправе дистанцироваться от гражданского общества, поскольку гражданское общество не может существовать без государства, и весь вопрос – в характере взаимоотношений этих акторов[12].

Известный год молодежного протеста (Болотная площадь, марш миллионов, гуляния на Чистых прудах, др. события), несмотря на разобщенность социального движения, показал, что значительная часть молодежи в силу аккумуляции раздражения по поводу своей нереализованности готова пополнить социальную базу оппозиции[13]. В такой ситуации власти необходимо интенсифицировать усилия, направленные на формирование культуры диалогичных отношений всех субъектов политической жизни. Ведь только благодаря диалогу возможно сохранение стабильности и поступательное развитие российского общества.

[1] Дмитриев М. О новых тенденциях в общественно-политических настроениях российского населения [Электронный ресурс] // URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/07/11_a_5422481.shtml (Дата обращения: 21.11.2013).

[2] Стенограмма встречи Президента России В.В. Путина с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи 12 сентября 2012 года [Электронный ресурс] // URL: http://kremlin.ru/transcripts/16470/work (Дата обращения: 25.08.2013).

[3] Меркулов П.А. Институциональные аспекты становления государственной молодежной политики в России. Федеральный научно-практический журнал. Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2012, № 8 (28).

[4] Дегальцева Е. Концепт «чужой» в практике экстремизма //Власть. 2013. № 2. С. 25.

[5] Болховитина Т.С. Модели политического участия: проблемное поле политического анализа //Научные ведомости БЕЛГУ. Сер. История. Экономика. Политология. 2012. № 3. С. 132–136.

[6] Меркулов П.А. Разработка концепции государственной молодежной политики России в 90-е годы XX века //Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 1. С. 180–185.

[7] Коряковцева О.А. Развитие общественно-политической активности молодежи в условиях модернизации общества //Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 2. С. 121.

[8] Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. С. 102.

[9] Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры // Электронный журнал «Гефтер». Политика18.04.2013 http://gefter.ru/archive/8464 (дата обращения 06.09.2013 г.)

[10] Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры // Электронный журнал «Гефтер». Политика18.04.2013 http://gefter.ru/archive/8464 (Дата обращения 06.09.2013 г.).

[11] Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры // Электронный журнал «Гефтер». Политика18.04.2013 http://gefter.ru/archive/8464 (Дата обращения 06.09.2013 г.).

[12] Огнева В.В. Социально-политическая активность как фактор повышения эффективности интернет – коммуникационного взаимодействия власти и общества // Извести ТулГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2013. № 2. С. 54–59; Халий И.А. Власть и общество: в поисках взаимодействия // Власть. 2012. № 9. С. 16 – 20.

[13] См.: Яницкий О.Н. Протестное движение 2011–2012: некоторые итоги //Власть. 2013. № 2. С. 14–20.